

Социально-демографические и эколого-экономические процессы в Китайской Народной Республике и Российской Федерации: сравнительно-сопоставительный анализ

А.Е. ЛЕСТЕВ, В.А. МЕДВЕДЬ

Socio-demographic and ecological-economic processes in the PRC and RF: comparative analysis

A.E. LESTEV, V.A. MEDVED'

Аннотация. В статье рассмотрены основные негативные тенденции социально-демографических и эколого-экономических процессов в Китайской Народной Республике и Российской Федерации. Проведен анализ демографической и экологической ситуации в обеих странах, сделан обзор культурно-исторических основ восприятия северных территорий в китайском общественном сознании, тенденций сотрудничества Китая и России в сфере экономики, основных тенденций и причин миграционного оттока высококвалифицированных кадров с территории Сибири, Дальнего Востока России и северо-восточной части Китая, а также актуального состояния рынка труда и безработицы в России.

Ключевые слова: экология, население, рынок труда, Китай, Россия, миграционный отток.

Abstract. The article examined the main negative trends of socio-demographic and environmental-economic processes in the People's Republic of China and the Russian Federation. The authors provided the analysis of the demographic and environmental situation in both countries, the review of the cultural and historical foundations of the perception of the northern territories in the Chinese public consciousness, trends in cooperation between the PRC and the RF in the economic sphere, the main trends and reasons for the migration outflow of highly qualified personnel from the territory of Siberia, the Russian Far East and the Northeast of China, the current state of the labor market and unemployment in Russia.

Key words: ecology, population, labor market, People's Republic of China, Russia, migration outflow.

В условиях современной международно-политической ситуации Россия и Китай являются стратегическими партнерами ¹. Санкции западных стран привели к кооперации и интеграции китайских товаров в российскую экономику и производство. Россия и ее регионы активно включаются в китайскую инициативу «Один пояс – один путь», наращивается взаимодействие в культурной, образовательной и научной сферах межгосударственного взаимодействия ². В связи с этим в целях планирования двустороннего стратегического партнерства необходимо изучить причины современного

состояния и прогнозов развития негативных тенденций в социально-демографических и эколого-экономических сферах приграничных регионов.

Авторы выделяют следующие негативные тенденции в социально-демографических и эколого-экономических процессах Китая:

ухудшение состояния окружающей среды в регионах КНР;

сокращение трудового населения в условиях старения жителей страны;

миграционный отток высококвалифицированных кадров из северо-восточной части Китая в Восточный и Юго-Восточный регионы страны.

В статье предпринята попытка провести сравнительно-сопоставительный анализ негативных тенденций в Китае со схожими социально-демографическими и экономическими процессами развития российских регионов: сокращение рынка рабочей силы, старение населения, отток высококвалифицированных кадров с территории Сибири и Дальнего Востока в Центральный, Северо-Западный и Южный федеральные округа Российской Федерации. Кроме того, привлечен идеографический метод исследования при описании культурно-исторических основ восприятия северных территорий в китайском общественном сознании, метод анализа статистических данных при оценке демографической ситуации, методы моделирования и сценарного прогнозирования, а также обобщения и синтеза данных из различных источников.

В качестве источников авторы привлекают данные и официальные доклады специализированных институтов и служб Организации Объединенных Наций ³, Всемирной организации здравоохранения ⁴, Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации ⁵. При описании культурно-исторических основ восприятия северных территорий в китайском общественном сознании используется ретроспективный метод, привлекаются классические труды Сыма Цянь ⁶ и Конфуция ⁷, современных авторов ⁸, а также терминологический и семиотический анализы.

Лестев Антон Евгеньевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела воспроизводства трудовых ресурсов и занятости населения Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, старший преподаватель кафедры всемирного культурного наследия Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: antonlesteve@mail.ru; Медведь Виктория Александровна – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник Отдела воспроизводства трудовых ресурсов и занятости населения Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, преподаватель кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД России. E-mail: viktoriyamedved@gmail.com.

Lestev Anton E. – candidate of historical sciences, senior researcher at the Department of Reproduction of Labor Resources and Employment of the Population of the Institute for Demographic Research (branch) of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), senior lecturer at the Department of World Cultural Heritage of Kazan (Volga Region) Federal University. E-mail: antonlesteve@mail.ru; Medved' Viktoriya A. – candidate of economic sciences, junior researcher at the Department of Reproduction of Labor Resources and Employment of the Population of the Institute for Demographic Research (branch) of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), lecturer at the Department of Demographic and Migration Policy of MGIMO University. E-mail: viktoriyamedved@gmail.com.

Культурно-исторические основы восприятия северных территорий в китайском общественном сознании. Традиционно в китайской культуре современные северные территории Китая воспринимались в качестве внешней варварской периферии⁹. Конфуций рассматривал мир с позиции дихотомии «внешнее–внутреннее»¹⁰. Во времена философа совокупность удельных княжеств, ритуально связанных воедино фигурой правителя – Сына Неба, именовалась Срединными царствами, так как считалось, что это центр мира, окруженный некультурными варварами¹¹. В «Лунь Юй» Конфуций несколько раз называет северные и восточные территории варварскими¹². Поскольку конфуцианство глубоко укоренилось в качестве государственной идеологии, отношение к северным землям как к варварским фактически не менялось. При этом варварская периферия воспринималась ненужной и неинтересной Китаю¹³.

В китайской культуре существуют натурфилософские представления о движении энергии и характерной для разной местности «ци» (энергия, дыхание, флюид, эфир), которые влияют как на природу, так и на человека. В идеале энергия инь и ян, пять элементов находятся в гармонии, а нарушение циркуляции ци приводит к нарушению гармонии и появлению негативной энергии. На Севере циркуляция нарушена, что приводит к преобладанию «се-ци» холода. Так, например, в традиционной китайской медицине не рекомендуется употреблять женьшень, выращенный на Севере, так как вместо традиционного «разжигания огня» в человеке переизбыток энергии инь в северном женьшене приведет к образованию слизи и мокроты. Ци влияет на «психо-физические особенности, этические характеристики, здоровье и длительность жизни людей данной местности»¹⁴. Люди, родившиеся в определенной местности, обладают той же энергией ци, что и местность. Соответственно, только Срединный Китай является землей гармонии (поскольку пригоден для земледелия), а земля варваров – «земля, с которой не прокормиться [земледелием]»¹⁵.

Именно с северной территории китайские земли подвергались нашествиям различных варварских племен: сюнну¹⁶, тангутов, монголов, а современная северо-восточная часть Китая и вовсе является родиной маньчжуров, захвативших власть в Китае и основавших новую династию Цин.

Культурные различия и вкусовые пристрастия и сегодня влияют на восприятие Севера. Китайский исследователь чайной культуры Пань Сянли пишет: «Жасминовый чай – это тот самый цветочный, к которому с пренебрежением относятся южане, хоть немного понимающие в чае, а северяне, напротив, питают к нему пристрастие»¹⁷. И хотя Пань Сянли и говорит, что не имеет предубеждений насчет регионов, тут же заявляет: «Южане все же чуть выше: на севере пьют всю жизнь один жасминовый чай и на самом деле не понимают, каков вкус настоящего чая»¹⁸.

Северо-восток Китая – исторически малозаселенная территория, требовавшая особых условий колонизации¹⁹. В 1909 г. были приняты правила

колонизации, в которых прописывалось образование специальных бюро, снабжавших переселенцев средствами на проезд, а также количество отводимых каждой семье земель (35 га)²⁰. Отправка специальных рабочих батальонов, формирование военных поселений и военно-поселенных пограничных караулов²¹, а также большой земельный надел, выдаваемый переселенцам, свидетельствуют о больших административных усилиях и серьезных трудностях в деле колонизации Маньчжурии.

Конечно, дальнейшие исторические события, связанные с японским завоеванием и созданием Маньчжоу-Го, прервали собственно китайские усилия по колонизации и развитию северных территорий.

В архивных хрониках провинции Хэйлунцзян 1950-х – 1960-х гг. часто использовался термин «Бэйдахуан», означающий «большая северная пустошь»²². Этот термин восходит к XVII в. – времени правления династии Цин. Изначально им обозначали «северо-восточные приграничные земли Китая, а во второй половине XX в. данный термин стал ассоциироваться со всей территорией провинции Хэйлунцзян»²³. Само понятие, конечно, свидетельствует и о состоянии населения в провинции, и об отношении к данной территории как к пустоши.

Таким образом, предвзятое отношение к северным землям, глубоко укоренившееся в китайской культуре и истории, безусловно, влияет и на технологическое развитие, и на демографическую ситуацию в этой части Китая.

«Ржавый пояс» Китая и экономическое сотрудничество с Россией. В настоящее время Китай пропагандирует концепцию «Один пояс – один путь», которая является своеобразной реминисценцией на существовавшие в прошлом Шелковый и чайный пути. Исторически Россия связана с чайным путем и является давнишним экономическим партнером Китая. При этом эксперты отмечают, что одной из целей инициативы Нового шелкового пути является поддержание «ржавого пояса» Китая – старейшей индустриальной базы страны²⁴. Китайский «ржавый пояс» включает провинции Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян в северо-восточной части страны²⁵, где находятся металлургические и машиностроительные предприятия (например, там хорошо развито локомотиво- и вагоностроение)²⁶, угле- и нефтедобывающие компании. По мнению экспертов, остановка этих предприятий нанесет существенный удар по экономике Китая.

При этом сама промышленность северо-восточной части Китая была создана при непосредственном участии Советского Союза в 1950-х гг.²⁷ Информации о точном количестве созданных и реконструированных советской стороной предприятий в Китае не содержится ни в китайских, ни в российских документах (приблизительная цифра – 400 предприятий)²⁸. Следует также отметить, что многие реконструированные и модернизированные заводы в Маньчжурии были построены еще императорской Россией. Практически с нуля были созданы целые отрасли промышленности: автомобилестроение, тракторостроение, кораблестроение, станкостроение,

производство горнодобывающего оборудования, электропромышленность. Значительно модернизированными оказались угле- и нефтедобывающая промышленность, гидро- и теплоэнергетика, металлургическая отрасль, а железные дороги оснащались подвижным составом²⁹. При этом Советский Союз оказывал поддержку не только оборудованием, но и передачей всей технологической и научной документации, необходимой для формирования автономно функционирующего технологического процесса. Для внедрения советской интеллектуальной собственности и обучения китайских инженеров в Китай направлялись делегации советских инженеров и разработчиков, которые на первых порах обеспечивали все необходимые технологические операции квалифицированными кадрами³⁰. Советская химическая промышленность поставляла в Китай необходимые для производства химические вещества: кислоты, каустическую и кальцинированную соду, поташ, скипидар, канифоль, углеводороды³¹.

Поскольку северо-восточная часть Китая была освобождена от японской оккупации советскими войсками³², сотрудничество с правительством этого региона началось еще до образования КНР. Именно он стал главным реципиентом тяжелой и добывающей промышленности.

История развития региона в период 1978–1999 гг. ощутила на себе влияние реализации стратегии пространственного несбалансированного развития КНР, приоритетным направлением которой являлось усиление прибрежного восточного региона³³. В то же время северо-восточная часть страны осталась в стороне.

Таким образом, «ржавый пояс» до сих пор базируется на тех предприятиях тяжелой и добывающей промышленности, которые были созданы при непосредственном участии СССР. Модернизация данных производств – дело нетривиальное, требующее капитальных затрат, поэтому не удивительно, что экономическое оживление данного региона пытаются включить в цели глобального китайского проекта «Один пояс – один путь».

Демографическая ситуация в Китае и России. По данным статистики, в 2023 г. в Китае остановился прирост населения³⁴, и Китай впервые уступил Индии звание самой населенной страны³⁵. К 2050 г., по прогнозам ООН, население Китая должно сократиться до 1 млрд 317 млн чел.³⁶ В 2022 г. численность населения Китая составляла 1 млрд 426 млн чел.³⁷, при этом доля жителей старше 60 лет составила 18,6 % по сравнению с 12,8 % в 2010 г.³⁸ Процент же жителей страны в возрасте от 0 до 14 лет упал с 18,5 % в 2010 г. до 17,2 % в 2023 г.³⁹ Ожидаемая продолжительность жизни в 2023 г. выросла на три года по сравнению с 2010 г. до 76 лет у мужчин и 81,3 – у женщин⁴⁰. По прогнозам ООН, ожидаемая продолжительность жизни в Китае будет расти, достигнув к 2100 г. 100 лет у женщин и 95 у мужчин⁴¹. Сокращение женского населения фертильного возраста (15–49 лет) к 2030 г. составит более 60 млн: с 373 млн чел. в 2011 г. до 309 млн чел. к 2030 г.⁴²

Таким образом, для Китая характерны следующие тенденции:

- рост численности пожилого населения старше 60 лет;
- уменьшение численности женского населения фертильного возраста;
- общее снижение численности населения ⁴³.

Уменьшение роста населения и увеличение в его структуре доли нетрудоспособных ведет к потере демографического дивиденда, однако официальные лица китайского правительства считают, что им удастся избежать негативных последствий вследствие роста дивиденда человеческого капитала – показателя, включающего оценку уровня образования и производительности труда ⁴⁴.

Таким образом, потери в численности трудоспособного населения планируется компенсировать ростом количества квалифицированных работников.

Правительство КНР прилагает усилия по стабилизации ситуации, связанной с демографией. Так, с 31 мая 2021 г. в Китае разрешено иметь до трех детей вместо двух ⁴⁵.

Одной из мер помощи населению является расширение охвата и введение новых программ страхования. Так, происходит расширение программ страхования по беременности и родам, что в социальном плане позволит сбалансировать расходы, связанные с наймом работниц, снизить уровень беспокойства работодателей по поводу приема на работу женщин и смягчить гендерную дискриминацию на рабочих местах ⁴⁶. Также стоит отметить и другую программу страхования на случай длительного периода ухода, начатую пилотным внедрением полисов страхования в 2016 г. в 49 городах Китая ⁴⁷. К концу 2022 г. в программе приняли участие 169 млн чел., а общая сумма выплат составила 62,4 млрд юаней. Данная программа помогает снизить финансовую нагрузку на семьи, в которых есть пожилые люди с ограниченными возможностями, а также способствует развитию услуг по уходу за пожилыми людьми, решая и проблему безработицы – в пилотных регионах количество сиделок выросло с 30 тыс. до 330 тыс. ⁴⁸

Среди общих демографических проблем Китая выделяется проблема северо-восточных регионов. Население северо-восточной части насчитывает примерно 98 млн чел., что составляет лишь 6,98 % от населения Китая ⁴⁹. Результаты Седьмой переписи населения КНР в 2020 г. показали высокие темпы убыли населения (16 % за 10 лет) в провинции Хэйлуньцзян по сравнению с другими регионами страны. В то же время процент пожилого населения провинции оказался наибольшим среди китайских провинций ⁵⁰.

С северо-восточной частью КНР граничат Забайкальский край (численность населения составляет 992 429 чел.), Амурская область (756 198 чел.), Еврейская автономная область (147 458 чел.), Хабаровский край (1 284 090 чел.), Приморский край (1 820 076 чел.) ⁵¹, то есть численность населения пяти больших по территории регионов России более чем в 2,5 раза меньше населения Москвы.

Согласно данным Росстата на 1 января 2023 г., численность населения Российской Федерации составляет 146,4 млн чел., из них доля городского населения – 75 %, сельского – 25 %⁵², мужчин и женщин – 46 и 54 % соответственно⁵³. По сравнению с данными на 2022 г. численность населения России уменьшилась на 0,6 млн чел. Согласно демографическим прогнозам Росстата, к 2046 г. население России сократится до 130,6 млн чел.⁵⁴ Миграционный прирост к 2046 г. прогнозируется Росстатом в пределах 164,7–151,2 тыс. чел. ежегодно за весь прогнозируемый период⁵⁵, однако этого не будет достаточно для того, чтобы за счет миграции переломить тенденцию убыли населения в России. При этом предвидится рост ожидаемой продолжительности жизни и, как следствие, старение населения, а также сокращение количества женщин репродуктивного возраста, что грозит снижением абсолютного количества родившихся.

Старение населения является глобальной демографической проблемой, которая резко меняет социально-экономическую структуру многих стран, включая Россию⁵⁶. Территориально тенденция старения населения затрагивает всю страну. По данным Росстата, в 2020 г. доля людей старше трудоспособного возраста составляла более 13 % от общего количества населения⁵⁷, в 2021 – 25,2 %, при этом средний возраст женщин составляет 42,8 года, мужчин – 37,6 года, ожидаемая продолжительность жизни в среднем для населения России – 71,5 года⁵⁸.

Основными причинами старения населения в России, как и во многих других странах, являются снижение уровня рождаемости и увеличение продолжительности жизни⁵⁹. Согласно данным Росстата, суммарный коэффициент рождаемости в России находится ниже уровня замещения (2,1 ребенка на женщину) уже более 30 лет⁶⁰. В то же время улучшение системы здравоохранения способствовало увеличению продолжительности жизни населения⁶¹. Старение населения может оказать влияние на различные сферы жизни общества, такие как система здравоохранения, пенсионная система, трудовой рынок и др.

Старение населения оказывает существенное влияние на российский рынок труда. С одной стороны, увеличение количества пенсионеров приводит к снижению численности рабочей силы, что может уменьшить общую производительность труда и привести к потенциальной экономической стагнации⁶². С другой стороны, с учетом увеличения продолжительности жизни и активного старения пожилые люди могут продолжать трудовую деятельность, что может обеспечить стабильность рынка труда и компенсировать недостаток молодых работников⁶³. Последствия старения населения в России ощутимы и многоаспектны. Потенциальные решения проблемы требуют комплексных и долгосрочных стратегий. Некоторые из них включают поощрение высокого уровня рождаемости через проведение демографической политики в стране⁶⁴, повышение качества медицинских услуг для пожилых людей⁶⁵ и создание условий для активного долголетия граждан⁶⁶.

Политика повышения пенсионного возраста и поощрения пожилых людей к осуществлению трудовой деятельности также может быть эффективной⁶⁷. С помощью правильно выбранных стратегий можно смягчить отрицательные последствия этого процесса и обеспечить полноценное участие пожилых людей в социальной жизни⁶⁸.

Сокращение рынка рабочей силы и безработица в России. Российская Федерация, обладающая наибольшей территорией в мире, имеет уникальную структуру рынка труда, которая формируется под воздействием ряда таких факторов, как география страны, демографические характеристики и экономическая политика. Рынок труда в России претерпел значительные изменения в результате экономических реформ⁶⁹. Переход от централизованно планируемой экономики к рыночно ориентированной привел к увеличению трудовой мобильности как географически, так и между секторами. Вместе с тем реформы спровоцировали увеличение неравенства в доходах и нестабильности для определенных сегментов рабочей силы⁷⁰.

Согласно данным Росстата, состав рабочей силы в России характеризуется высоким уровнем образования⁷¹. Преобладающая часть рабочей силы занята в секторе услуг, за которым следуют промышленность и сельское хозяйство.

По данным Росстата, численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше составила 76 285,4 тыс. чел. в 2017 г. и 74 924,2 тыс. чел. к 2022 г.⁷² Сокращение рынка рабочей силы в России вызвано не только демографическими факторами, но и экономическим спадом, а также изменением тенденций трудовой миграции и технологическим прогрессом. Это ведет к увеличению безработицы и уменьшению предложения рабочей силы, а также другим негативным последствиям для экономики и общества.

Уровень безработицы населения в возрасте 15 лет и старше в 2022 г. составил 3,9 % от численности рабочей силы и снизился на 0,9 % по сравнению с 2021 г.⁷³ Однако на российском рынке труда прослеживается тенденция дефицита молодежи. Так, уровень безработицы в возрастных группах 20–24 лет составил 12,5 %, 25–29 лет – 4,8 %, 30–34 лет – 4,4 %. В то же время в связи с пенсионной реформой повысилась экономическая активность пожилого населения. Среди российских граждан в возрастной группе 60–69 лет прослеживается наиболее заметный рост активности на рынке труда – их численность увеличилась на 336 тыс. чел., достигнув отметки в 4,9 млн чел. Кроме того, количество занятых граждан в возрасте от 50 до 54 лет увеличилось на 202 тыс. чел., достигнув отметки в 7,9 млн чел., а количество занятых россиян в возрасте от 35 до 39 лет увеличилось на 212 тыс. чел., достигнув отметки в 10,9 млн чел.

Среди субъектов Российской Федерации по состоянию на 2022 г. самый низкий уровень безработицы был отмечен в Санкт-Петербурге – 1,8 % от численности рабочей силы, Москве – 2,2 %, Чукотском автономном округе – 1,9 %, Хабаровском крае – 2,6 %, Камчатском крае – 2,9 %, Владимирской области – 2,6 %,

Рязанской области – 2,9 %, Республике Татарстан – 2,3 %, Удмуртской Республике – 2,9 %, Самарской области – 2,7 %, Красноярском крае – 2,7 %, Тюменской области – 2,7 %, Ямало-Ненецком автономном округе – 1,7 %, Ханты-Мансийском автономном округе – Югре – 2 % ⁷⁴. Низкий уровень безработицы в России вызван рядом демографических факторов: естественная убыль населения, высокая смертность относительно рождаемости, сокращение количества иммигрантов, эмиграция высококвалифицированных специалистов за границу, последствия пандемии COVID-19. В результате этого происходит сокращение численности трудовых ресурсов в государстве.

Самый высокий уровень безработицы был отмечен в Республике Ингушетия – 28,5 %, Республике Дагестан – 12,1 %, Республике Северная Осетия – Алания – 11,9 %, Чеченской Республике – 11 % и Кабардино-Балкарской Республике – 10 % ⁷⁵. Чаще всего увеличение уровня безработицы в регионах связано с тем, что спрос со стороны работодателей не соответствует возможностям и навыкам соискателей. В различных сферах, таких как информационные технологии, машиностроение, грузовые и автомобильные перевозки, возникла проблема дефицита квалифицированных сотрудников в регионах.

Рынок труда в России обладает сложной структурой и формируется под влиянием множества факторов. Несмотря на то что он значительно эволюционировал в результате экономических реформ и изменений в мировой экономике, он все еще сохраняет уникальные характеристики, отражающие социально-экономическое и географическое разнообразие страны.

Отток высококвалифицированных кадров с территории Сибири и Дальнего Востока. Проблема оттока высококвалифицированных кадров с территории Сибири и Дальнего Востока России является актуальной. Этот процесс влечет за собой значительные экономические и социальные последствия.

В процессе анализа основных причин оттока высококвалифицированных кадров с территории Сибири и Дальнего Востока были выделены следующие факторы. С точки зрения экономических условий: недостаток рабочих мест, низкие зарплаты и ограниченные возможности для профессионального роста. Уровень зарплат в этих регионах на 30–40 % ниже среднего по России ⁷⁶. Большинство специалистов не видят для себя перспектив в этих регионах. С точки зрения доступности инфраструктуры и условий для жизни, некоторые регионы имеют ограниченный доступ к медицинским услугам, образованию и развлечениям, что делает их менее привлекательными для проживания. Культурные и социальные аспекты: отсутствие культурных возможностей, разнообразия и социальной активности, удаленность от культурных и образовательных центров ⁷⁷. Немаловажным фактором оттока кадров также являются сложные климатические условия ⁷⁸.

Основными направлениями внутренней миграции в России являются более благоприятные и перспективные Центральный, Северо-Западный и Южный федеральные округа ⁷⁹. Так, по данным Росстата, в 2021 г. миграционная убыль в ДФО в пределах России составила 27 236 чел., в 2022 г. –

24 432 чел.⁸⁰ Миграционная убыль в СФО в 2021 г. – 40 138 чел., в 2022 г. – 32 785 чел.⁸¹ При этом из ДВО выбыло в другие регионы России в 2021 г. 123 809 чел., в 2022 г. – 119 639 чел., из СФО в другие регионы России в 2021 г. – 198 336 чел., в 2022 г. – 188 186 чел.⁸²

Неблагоприятным аспектом эмиграции высококвалифицированных специалистов также является относительно молодой возрастной состав мигрантов – преимущественно люди трудоспособного возраста от 15 до 44 лет⁸³. Также Россия, в том числе приграничные с Китаем регионы, и некоторые индустриально развитые азиатские государства, такие как Китай и Республика Корея, имеют отрицательный баланс миграции специалистов средней квалификации. Вероятно, это объясняется спросом на работников среднего уровня квалификации, например в сфере авиации. В целом, хотя между Россией и Китаем наблюдается рост миграции, это преимущественно люди с высшим образованием, однако имеет место и отток специалистов со средним уровнем образования из России непосредственно в Китай⁸⁴.

Последствия утечки высококвалифицированного населения с Дальнего Востока и из Сибири ощутимы как для экономики, так и для социальной сферы. С одной стороны, это ведет к упадку экономики региона. Согласно данным Росстата, в этих регионах наблюдается снижение индекса промышленного производства на 5–7 % в год⁸⁵. С другой стороны, это приводит к такой социальной проблеме, как отсутствие трудоспособной молодежи, которая могла бы стать двигателем социального прогресса⁸⁶.

Для решения данной проблемы необходим комплексный подход, основанный на научных исследованиях и анализе текущей ситуации. Это может включать увеличение уровня зарплат и создание благоприятных условий для карьерного роста, улучшение жилищных и социальных условий, а также развитие образовательной и культурной сфер⁸⁷. Кроме того, необходимо активно привлекать инвестиции для развития инфраструктуры и экономики региона⁸⁸, а также вводить дополнительные программы поддержки для молодых специалистов (обучение, стажировки, программы обмена и другие возможности для профессионального роста). Немаловажным является проведение маркетинговых кампаний для привлечения внимания к потенциалу региона, его уникальным возможностям и преимуществам. Подобные меры помогут сократить отток квалифицированных кадров с территории Сибири и Дальнего Востока России и сделать эти регионы более привлекательными для специалистов. Ключ к решению этой проблемы лежит в создании благоприятных условий для проживания и работы, что поможет удержать специалистов и привлечь новых⁸⁹.

Согласно многим демографическим данным, Россия мало чем отличается от развитых стран мира – сохранение низкого уровня рождаемости не обеспечивает смены поколений и, в свою очередь, приводит к старению населения и естественной убыли населения⁹⁰.

Экологическая ситуация в Китае и России. С ростом производства и уровня жизни населения Китай все больше ощущает негативное антропоген-

ное влияние на окружающую среду. Так, в 2010 г. показатель выброса CO₂ в атмосферу составлял 7 943,8 млн т (5,8 т на душу населения), а в 2023 г. этот показатель уже вырос до 10 190,6 млн т (7,2 т на душу населения)⁹¹. И хотя процент суши, занятой лесами, увеличился с 21,4 % в 2010 г. до 23,4 % в 2023 г.⁹², это не компенсировало стремительного роста загрязнения окружающей среды. Такой ситуации способствует и рост численности городского населения с 49,2 % в 2010 г. до 60,3 % в 2023 г.⁹³ По прогнозам, к 2050 г. уровень городского населения составит не менее 70 %⁹⁴. На города, которые занимают лишь около 2 % суши, приходится до 70 % выбросов CO₂.

В связи с развитием транспорта и промышленности в России также наблюдается рост выбросов загрязняющих веществ, однако по сравнению с Китаем в значительно меньших объемах – 1 538,7 млн т (10,7 т на душу населения) в 2010 г. и 1 713,4 млн т (10,8 т на душу населения) в 2023 г.⁹⁵ При этом с 2010 по 2021 г. объемы выбросов парниковых газов в России в совокупности остаются в пределах 2 019,4–2 156,6 млн т CO₂-эквивалента в год⁹⁶, большую часть которых обеспечивает сектор энергетики⁹⁷. Рост городского населения России также увеличился незначительно – с 73,7 % в 2010 г. до 74,6 % в 2023 г.⁹⁸ По данным Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, на 2017 г. такие регионы, как Красноярский край, Кемеровская область, Ханты-Мансийский автономный округ и Свердловская область, демонстрируют наибольший абсолютный объем выбросов загрязняющих веществ⁹⁹.

Загрязнение приграничной зоны России и Китая является одной из насущных проблем двусторонних отношений и развития регионального сотрудничества¹⁰⁰. Другой проблемой, напрямую связанной с экологией, является незаконная вырубка лесов и браконьерство¹⁰¹.

Северо-восточную часть Китая, граничащую с Россией, как уже упоминалось выше, называют «ржавым поясом Китая». Это название отражает те проблемы для экологии, которые создают предприятия тяжелой и добывающей промышленности, оборудованные устаревшими установками и машинами. Стоит отметить, что, несмотря на малочисленность населения северо-восточной части Китая, антропогенная нагрузка на природу там гораздо выше по сравнению с приграничными регионами России, население которых в несколько раз меньше. Промышленность российских приграничных районов также испытывает серьезные трудности с модернизацией производств.

Таким образом, проведенный сопоставительный анализ позволил выделить основные проблемы социально-демографического и экономико-экологического развития приграничных регионов России и Китая. В исследовании показано, что развитие северо-восточной части Китая и дальневосточных приграничных регионов России требует целенаправленных усилий со стороны государства и специальных программ. Меньшая численность населения и привлекательность указанных регионов обеих стран обусловлены как культурно-историческими процессами колонизации и освоения данных территорий, так и современными проблемами в социально-экономической сфере. Немаловажным является и экологический фактор

загрязнения старых промышленных районов России и Китая, требующих специальных мер по модернизации предприятий тяжелой и добывающей промышленности.

Примечания

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00276, URL: <https://rscf.ru/project/24-28-00276/>

Acknowledgements: The study was funded by the RSF, grant No. 24-28-00276. URL: <https://rscf.ru/en/project/24-28-00276/>

1. 刘兴涛. 亚太紧张局势下的台湾走向 — Казанское востоковедение. 2023. Т. 2. № 1, с. 45.
2. 丽陶. 中国东北与俄罗斯文化交流及俄侨民对其的影响 — Там же. 2022. Т. 1. № 1, с. 6.
3. United Nations. The Department of Economic and Social Affairs, Population Division. 2015. World Population Prospects 2022. Summary of Results. UN DESA/POP/2021/TR/. No. 3. NY. 2022; World Population Prospects 2022. Methodology Report. Methodology of the United Nations Population Estimates and Projections. UN DESA/POP/2022/DC/. No. 6. NY. 2022; World Statistics Pocketbook 2023 ed. Ser. 5. № 47. NY. 2023; The Department of Economic and Social Affairs Highlights 2022–2023. NY. 2023.
4. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health>
5. Rosstat. Demographic Yearbook of Russia. Moscow. 2021; URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>; URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force; URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>; URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>; URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_MO_2023.xlsx; Росстат. Демографический ежегодник России. М. 2020.
6. СЫМА ЦЯНЬ. Исторические записки (Ши Цзи). Т. 2. М. 2003.
7. ДАО ДЭ ЦЗИН. Суждения и беседы Конфуция. Чжуан-цзы. СПб. 2023.
8. ПАНЬ СЯНЛИ. Чай, выраженный словами. М. 2019.
9. МАРТЫНОВ Д.Е., ЗАЙНУЛЛИН Г.Г. Идея Великого единения (Да тун) в истории китайской общественной мысли рубежа XIX–XX вв. и Кан Ю-вэй. Казань. 2017, с. 61.
10. ЛЕСТЕВ А.Е. Использование социально-утопических идей в японской континентальной политике в Маньчжоу-го и Монголии. В кн.: Россия – Китай: История и культура: Сб. ст. и докладов участников XI Междунар. науч.-практ. конф. Казань. 2018, с. 204.
11. Конфуцианское учение: Учеб. пособие / А.Р. Аликберова, Д.Е. Мартынов, Ю.А. Мартынова. Казань. 2023, с. 51.
12. ДАО ДЭ ЦЗИН. Ук. соч., с. 120, 160.
13. Конфуцианское учение..., с. 134.
14. НИКОЯН С.С. Образы шаньюев сюнну (по материалам «Сюнну ле чжуань» Сыма Цяня и Бань Гу) и конфуцианский идеал правления: примеры корреляции. В кн.: Уральское востоковедение. Вып. 4. Екатеринбург. 2011, с. 41.
15. Там же.
16. СЫМА ЦЯНЬ. Ук. соч. Т. 2, с. 233, 237.
17. ПАНЬ СЯНЛИ. Ук. соч., с. 17.
18. Там же.
19. ТКАЧЕВ С.В., ТКАЧЕВА Н.Н. Управление демографическим освоением пустующих земель: исторический опыт Маньчжурии и Хоккайдо на рубеже XIX–XX вв. — ДЕМИС: Демографические исследования. 2023. Т. 3. № 4, с. 184.
20. Там же, с. 187.
21. Там же, с. 187–188.
22. МАКЕЕВА С.Б. Большая северная пустошь (Бэйдахуан) в 1949–1966 гг.: страницы регионально-демографической истории китайской провинции Хэйлунцзян. — Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2023. Т. 10. № 2 (38), с. 7.
23. Там же.
24. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/05/17/ekspert-shelkovym-putem-kitay-podderzhivaet-svoy-rzhavyy-royas>
25. URL: https://russian.news.cn/2017-10/08/c_136663953.html

26. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2017/05/17/ekspert-shelkovym-putem-kitay-podderzhivaet-svoy-rzhavuu-poas>
27. ВЕРЧЕНКО А.А. Некоторые вопросы организации помощи Советского Союза Китаю в 1950-е годы. В кн.: Россия – Китай: История и культура..., с. 86.
28. Там же, с. 81.
29. Там же.
30. Там же, с. 82–83.
31. Строители России XX–XXI в. Химический комплекс. М. 2008, с. 937.
32. МЕЗЯЕВ А.Б., ЛЕСТЕВ А.Е. Отбор главных обвиняемых в деятельности Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов. — Государство и право. 2023. № 2, с. 121–130.
33. МАКЕЕВА С.Б. История региональной политики в китайских центральных провинциях в 1990-е гг. (на примере провинции Хунань). — Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 1, с. 26.
34. World Statistics Pocketbook 2023 ed. Ser. 5. No. 47. NY. 2023, p. 76.
35. World Population Prospects 2022: Summary of Results. UN DESA/POP/2021/TR/. No. 3. NY. 2022.
36. Ibid., p. 6 (18).
37. Ibidem.
38. World Statistics Pocketbook 2023 ed. Ser. 5. No. 47. NY. 2023, p. 76.
39. Ibidem.
40. Ibidem.
41. World Population Prospects 2022: Methodology Report. Methodology of the United Nations Population Estimates and Projections. UN DESA/POP/2022/DC/. No. 6. NY. 2022, p. 35–38 (43–46).
42. URL: <https://population.un.org/dataportal/countryProfiles/types/1/topics/5/coreThemes/1/locations/156?classId=reg&palette=Blues&secpalette=alphabet2>
43. The Department of Economic and Social Affairs Highlights 2022–2023. NY. 2023.
44. ЩЕПИН К. Китай ответил ворчащим о потере демографического дивиденда КНР. — Российская газета. 2023. 2 мая.
45. URL: https://english.www.gov.cn/news/202305/23/content_WS646c1532c6d03ffcca6ed4c3.html
46. URL: https://english.www.gov.cn/news/202305/23/content_WS646c1532c6d03ffcca6ed4c3.html
47. URL: https://english.www.gov.cn/news/202305/23/content_WS646c1532c6d03ffcca6ed4c3.html
48. URL: https://english.www.gov.cn/news/202305/23/content_WS646c1532c6d03ffcca6ed4c3.html
49. МАКЕЕВА С.Б. Историко-демографические аспекты эволюции регионального неравенства КНР. — Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2022. № 4, с. 66.
50. ЕЕ ЖЕ. История демографического развития китайской провинции Хэйлуцзян (1970–2020 гг.). — Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29. № 2, с. 18.
51. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_MO_2023.xlsx
52. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>
53. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>
54. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>
55. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>
56. United Nations. The Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Population Ageing. NY. 2015 (ST/ESA/SER.A/390).
57. Rosstat. Demographic Yearbook of Russia. Moscow. 2021.
58. ДОБРОХЛЕБ В.Г., КОНДАКОВА Н.А. Типологизация и социально-экономические аспекты формирования демографического старения населения регионов России. — Проблемы развития территории. 2022. Т. 26. № 4, с. 98–110.
59. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / А.Г. Вишневский [и др.]. М. 2006.
60. Rosstat. Demographic Yearbook of Russia...
61. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health>; GAVRILOVA N.S., GAVRILOV L.A., KRUT'KO V.N. The Future of Human Longevity. — Gerontology. 2017. October 19. No. 63 (6), p. 524–526.
62. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w22452/w22452.pdf
63. BURTLESS G. The Impact of Population Aging and Delayed Retirement on Workforce Productivity. — Center for Retirement Research at Boston College. Boston. 2013.
64. GAUTHIER A.H., HATZIUS J. Family Benefits and Fertility: An Econometric Analysis. — Population Studies. 1997. No. 51 (3), p. 295–306; GAVRILOVA N.S., GAVRILOV L.A., KRUT'KO V.N. Op. cit.

65. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health>
66. World Health Organization. Active Ageing: A Policy Framework. Geneva. 2002.
67. BURTLESS G. Op. cit.
68. United Nations. The Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Population Ageing. NY. 2015 (ST/ESA/SER.A/390); VISHNEVSKY A., SHCHERBAKOVA E. A New Stage of Demographic Change: A Warning for Economists. — Russian Journal of Economics. 2018. No. 4 (3), p. 229–248.
69. РОДИОНОВА Л.В., МЕЛЬНИК А.Т. Занятость и рынок труда. В кн.: Экономическая реформа: Оценка состояния экономики Алтайского края и перспективы ее развития: Сб. ст. Барнаул. 1994.
70. КАПЕЛЮШНИКОВ Р. Неравенство: как не примитивизировать проблему. — Вопросы экономики. 2017. № 4, с. 117–139.
71. Росстат. Демографический ежегодник России...
72. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force
73. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force
74. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force
75. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force
76. Росстат. Демографический ежегодник России...
77. ФЕДОРОВ Г. Современные проблемы развития Дальнего Востока и Сибири. — Вестник Российской академии наук. 2019. № 89 (3), с. 218–226.
78. ЗОРИН Д.П. Эффективность реализации национальных проектов на Дальнем Востоке России в контексте человеческого капитала. — Научное обозрение. Сер. 1: Экономика и право. 2021. № 4–5, с. 57.
79. Росстат. Демографический ежегодник России...
80. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>
81. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>
82. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>
83. БЕЗВЕРБНЫЙ В.А., МИКРЮКОВ Н.Ю. Масштабы эмиграции высококвалифицированных специалистов из России: статистическое и социологическое измерение. — Научное обозрение. Сер. 1: Экономика и право. 2019. № 6, с. 25.
84. Там же, с. 23.
85. Росстат. Демографический ежегодник России...
86. ПОПОВА О. Социально-демографические проблемы Дальнего Востока и Сибири. — Демографическое обозрение. 2020. № 7 (2), с. 35–60.
87. МИРОНОВА М. Условия привлечения молодежи в Дальний Восток. — Вестник МГУ. 2019. № 24 (1), с. 123–134.
88. ИВАНОВА А. Развитие инвестиционной привлекательности Дальнего Востока и Сибири. — Вестник Финансового университета. 2020. № 24 (2), с. 34–45.
89. СМIRНОВ А. Проблемы и перспективы удержания высококвалифицированных специалистов в Сибири и на Дальнем Востоке. — Вестник Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2021. № 14 (1), с. 149–160.
90. ЩЕРБАКОВА Е.М. Динамика населения России в контексте мировых тенденций. — Проблемы прогнозирования. 2022. № 4 (193).
91. World Statistics Pocketbook 2023 ed. Ser. 5. No. 47. NY. 2023, p. 76.
92. Ibidem.
93. Ibidem.
94. World Population Prospects 2022: Summary of Results. UN DESA/POP/2021/TR/. No. 3. NY. 2022.
95. World Statistics Pocketbook 2023 ed. Ser. 5. No. 47, p. 205.
96. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194>
97. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/17409.pdf>
98. World Statistics Pocketbook 2023 ed. Ser. 5. No. 47, p. 205.
99. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/17409.pdf>
100. ШАРКО С.В. Россия и Китай: возможности и развитие региональной интеграции: Монография. М. 2019, с. 134.
101. Там же.